

На улице свернулось молоко

КОГДА на выползшие звезды
Наступит сонная заря,
Зашевелится в спальне воздух,
Прокисший воздух октября.

Не понимая всех деталей,
Свернется в кофе молоко,
Произошедшие из талии
Помчатся ноги далеко.

А я, прикинувшись не спящим,
Против не менее пяти
Душевных литров, пялюсь в ящик,
Не в состоянии идти.

Река

ЩЕНКИ рассмеются в мешке,
И смех под водой расслоится.

Укрытая рыба в реке
Потащит на дно колесницу.

Туда, где прорыта дыра
Отпущенными червяками.
Где ты так давно умерла,
Что небо покрылось песками.

И остервенеет река,
Впиваясь в засохшие руслу
Теплом своего молока,
Мычаньем немного искусства,

И станет как счастье тверда,
Как время текущее в камне.
Целуя собой города
И плач превращая в молчанье.

Прозрачная сущность твоя,
Едва загустевшая в тело,
Вернется в речные края,
В которых она обмелела.

Когда ты стеклянной рукой
Натянешь речные поводья,
Весь мир обернется водой,
Влюбившись в твое половодье.

Конфорка

МОЛОКО закипает. На медленной скорости
Пробирается к краю железного мира,
Выпускает молочные щупальца-лопасти
И хватает плиту, обрамленную жиром.

Только есть огонек в этом белом стремлении
Состояться вне рамок привычной кастрюли.
Выражая пассивное сопротивление,
Я сижу на ободранном кошками стуле

И не стану мешать. Посреди этой утвари,
Всех немислимых стен, молоку не комфортно.
Я бы тоже сбежал. Но зачем-то отсутствует
Подо мной красный круг раскаленной конфорки.

Зима

ЗМЕИНАЯ зима.
Податливая тень
Струится с потолка.

Меня не обнимай.
Уже который день
Я мягче молока.

Пролей меня скорей
На тонкие слои
Кристалльных метастаз.
В объятья пустырей,
В статичные ноли,
В мой двадцать пятый раз.

Наждачные точь-в-точь
Зацокают дожди
Шершавым языком.
И вывернется ночь
Рассветом позади,
Прокишим молоком.

Тогда наверняка
Кривой круговорот
Закончится зимой.
Согнувшись у ларька,
Февральский небосвод
Откашляется мной.